

Лабиринты души

Людмила Альперн*

Знакомая предложила мне написать для гендерного журнала. Подумав, я согласилась – свои тексты я считаю женским письмом. Но, попросив написать «гендерно», она поймала меня в ловушку, и я потеряла голос. Размышления о том, прозвучит ли сочинение в нужном ключе, лишили меня силы. Текст не вытанцовывался, темы разбегались, сосредоточение, необходимое для того, чтобы сдвинуться с места, не приходило. Я чувствовала внутри себя запас сладости-страсти, которая при правильном настрое могла бы питать намечавшуюся работу, но она была изолирована от другого необходимого для сочинительства источника, в котором содержатся смыслы и образы, нужные слова и красные нитки Ариадны, которыми тексты выводятся из темных лабиринтов души. Время шло, напряжение нарастало и, в конце концов, при заботливом участии доброжелательно настроенных сил, идеологическая броня оказалась пробитой, и слова, взявшись за руки, покорно и даже шустро побежали за ниткой, красный хвос-

---

* Текст Людмилы Альперн редакторам данного издания показался интересным как пример российского варианта «женского письма», тем более что автор – известная правозащитница. С 1994 года она сотрудничает с международной правозащитной организацией *Human Rights Watch*, является заместителем директора «Центра содействия реформе уголовного правосудия», лауреатом «Премии по правам человека республики Франции».

В последнее время она проводит в женских колониях занятия по медиации, способствующие гуманизации отношений между администрацией и заключенными, и много делает для реабилитации своих социально незащищенных подопечных. В разное время она руководила международными проектами «Женщины в тюрьме», «Реабилитация наиболее незащищенных групп тюремного населения» и многими другими.

Людмила – автор книг: *Всего лишь десятая часть... Женщины и дети в российской тюрьме. Заметки посетителя тюрем.*, *Центр содействия реформе уголовного правосудия* (М., 2001), *Сон и явь женской тюрьмы* (Спб.: Алетейя, 2004).

Кроме того, она является автором статей и эссе, опубликованных в российских сетевых и печатных изданиях.

В последнее время занимается фотографией, недавно у нее прошло несколько фотовыставок. Ее постоянная фотоэкспозиция находится в клубе женской Орловской колонии. – Примечание Анны Альчук.

тик которой извивался и нырял из стороны в сторону в узком каменном лабиринте, похожем... конечно, на узкую венецианскую калле.

***

Это меня преследует Венеция или я преследую ее? Может быть, мы сроски-близнецы, сестрички-душеньки, одна – из красного кирпича, другая – из красной плоти? Но похожие друг на друга бесконечно: когда одна закрывает глаза, то во сне видит другую-себя? Она – меня, я – ее? Куда нам деться друг от друга, если весь мир – это я или она, она или я...

Вот что скрывается в темноте лабиринта, и пока не выйдут из него те, что уже на подходе, те, что застряли в горле, те, что не пролились еще в слезах, до других мне не добраться. Пусть же снится, мерещится мне я-венеция, но и она-я пусть видит меня в своих снах. Мы неразлучны, и время, готовое это подтвердить, уже зреет в темных лабиринтах души.

Он насмеялся надо мной, потому что я была недоступна.

– Ты уже продала свои фотографии? Хорошо заплатили? Похоже, что скоро ты разобьешь свою свинью-копилку и купишь мансарду в Венеции.

Нет, я не куплю мансарду в Венеции, и фотографии я не продавала. Они – как детки, как братцы должны быть вместе, чтобы не тосковать в одиночестве. Их можно только раздаривать, раздавать тем, кого любишь.

Ему нравились мои фотографии.

– Спасибо за фотографии! Они чудесные, как все твои венецианские картинки!

Нет, я не куплю мансарду в Венеции, потому что не люблю покупать. Я люблю смотреть украдкой, воровать взглядом и уносить в тайниках души то, что люблю, того, кого люблю, и поэтому мне не нужны мансарды, мужья или другие крупные, дорогие и тяжелые объекты.

Я всегда налегке, с небольшой сумкой цвета сафари, а может быть – хаки, на хорошем резиновом ходу, с проходимостью вездехода.

Мне достаточно цвета, размытости, неясности, перетекания, сияния, зияния.

Я и сама скоро стану цветом, сиянием, зиянием. Зачем мне иметь то, что люблю? Чтобы, уходя, бросить все это разумное, доброе, вечное на произвол судьбы? Чтобы оно скорбело обо мне, как я о своей матери? Чтобы потом, как она ко мне, приходил к нему рыжей собакой, зеленым полем, белой птицей, Капитолийской волчицей?

Нет уж. Пусть все это живет свободно, само по себе. А я буду мечтать о мансарде, о Венеции, о муже, о матери, и мои мечты будут передаваться им, и

они тоже будут мечтать обо мне. Круг замкнется. Когда круг наконец замкнется, наступит новое время.

***

Другая моя знакомая объясняла, почему не ходит в спортивный зал.

– Да потому что там одни расфуфыренные дуры! Обсуждают новые «Мерседесы», квартиры и поездки на Канары!

Меня чужое благополучие не злит. Внешнее богатство, на мой взгляд, – только симуляция внутреннего, не заменяющая последнего, но серьезно отягочающая жизнь. Внутреннее сокровище, впрочем, тоже давит на его обладателя.

Человеку хочется чем-то заполнить свою жизнь, его тревожит ощущение пустоты. Отсюда жажда знаний, путешествий, «богатства», слишком хороший аппетит – пустота сродни голоду.

Богатство – это пустота, вывернутая наизнанку. След гурманского или наркотического удовольствия стирается одновременно с потраченными на него золотыми монетами. Это не наполнение, а растрата, умножающая пустоту – недаром в народе бытует байка о неразменном пятаке. Есть ли в мире то, что можно тратить, не растрачивая?

Мыслеформа ожидаемого события досрочно распадается от сомнения в удовольствии. Боль, возникшая вслед за этим, остается надолго. Боль заполняет пустоту лучше, чем удовольствие, она устойчивей, предпочтительней, ближе к тому материалу, из которого слагается сокровище души. Кто сказал, что человек создан для счастья? Не для боли ли? Боль не оставляет нас, как верный друг или любовник, а счастье всегда за горами, до него не дотянуться. А дотянешься, глядь – опять пустота. Счастье не есть удел человеческий, так же, как чистота и святость.

***

Но все-таки оно существует. Всмотриваясь в мир, начинаешь понимать его устройство. Почему он выглядит так, а не иначе? Откуда берутся формы, в которые он выливается? Что они означают? Возникает подозрение, что человек эти формы разглядывает изнутри, и, бессознательно копируя, переносит во внешнее пространство. Чтобы видеть яснее. А видеть для того, чтобы достичь счастья. Счастье же в том, чтобы совместить внутреннее и внешнее.

Достигается это условие тогда, когда знаешь, что содержится внутри.

Путей познания этой тайны человечество накопило множество, но все они требуют упорного постижения, и это надолго выключает человека из «реальной жизни». Пока неофит пылливо заглядывает «внутрь», жизнь снаружи

стремительно пронесится мимо. Но и в избранном пути успех не гарантирован, хотя вне него совсем безотраднo.

Безотраднo становится не сразу, какое-то время внешняя жизнь может устраивать – пока в ней сохраняется новизна, присутствует и надежда, что ею можно заполнить пустоту. Но со временем надежда тает, а пустота растет, прибывает, становится чернее, и уже никакими удовольствиями ей пасть не заткнешь. Она проникает повсюду и постепенно заглатывает жизнь.

И тогда наступает темнота. Обычно ее называют депрессией. Я нашла другое определение: темнота возникает, когда «падает картинка». Картинка – это описание мира. Срок годности любого описания ограничен его функциональностью: картинка хороша, пока не возникает сомнения в ее правильности, пока ею можно пользоваться, чтобы жить.

Сомнения приходят вместе с проблемами. Возникает остановка, и она длится до тех пор, пока, обратив все внимание внутрь, не обнаружишь новые контуры мира, вернее, увидишь его резче, четче и сравнишь с тем, что ждет снаружи. И тогда пустота отступит, а жизнь наполнится новой силой.

Подобные «реинкарнации» происходят у всех людей, являясь необходимым элементом психического роста, возможность которого заложена в человеке, как в груше заложена ее форма, цвет и размер, но далеко не каждая груша достигает своего расцвета.

То, что называют внутренним, кроме личного, накопленного от рождения, скорее всего – *культура*.

***

Сверкающая пирамида или перламутровый шар – это она? Ее ли белое пламя видишь краем глаза, когда приближается счастье? Она ли манит душу тишайшим звоном, обещая радость, свет, свободу? С нею ли обручена душа?

Живая, она приходит как любовь. Она женщина, как мать, мужчина, как муж. Место, как Венеция.

Она проявляет себя так, чтобы быть принятой, дает о себе знать, чтобы никто не прошел мимо. Ее нельзя оторгнуть или забыть, это равносильно гибели. Нет ничего сущего, что не было бы частью ее, защищая ее, мы становимся героями, посягая на нее – злодеями.

Она собирает нас в толпы, в пары, в группы. Она делает нас мужчинами и женщинами, женами, солдатами, начальниками. Когда она умирает, мы становимся революционерами или фашистами. Она обращает нас в лагерную пыль. Она заставляет нас слушаться и подчиняться, и чувствовать боль, боль, боль, если мы отказываемся ходить ее путями. С некоторых пор я вижу ее везде. Моя жизнь наполнена ею, я и сама – ее часть, и иногда это чувствуют другие.

Теперь я не боюсь темноты, потому что темнота добра ко мне. Я уже не ощущаю пустоты, и жизнь снаружи постепенно становится почти совершенной. Значит, она приняла меня, или я постигла ее – почти дотянулась до счастья.

Но это надо еще проверить. Я беру книгу перемен и шесть раз бросаю три медные монеты. Я жду главного подтверждения, должно произойти то, что докажет мне мою правоту. А именно: если мои ощущения справедливы, он признает меня равной.

***

Любовь и секс он пишет с маленькой, с крохотной буквы. Любовь и Секс для него – природа, женское. Так же, как Земля. Он страстный садовод и по весне вонзает заступ в удобренную землю. Землю он берет уверенно, возвращая на ней все, что вздумается: черешню, помидоры, виноград – все отличного вкуса и качества. Так же он поступает и с женщинами: много женщин не бывает, вот его девиз. Женщины – подручное средство, подсобный материал, дополнение (приятное или нет) к жизни. Он всегда с женщиной, с женщинами. Ему нужна партнерша, эскорт. Без женщины неудобно, неприлично. Он не считает нас равными себе, хотя и обращается с нами неплохо – ласков, весел, очарователен, правда, не слишком щедр. Мягок снаружи и жесток внутри – топор в бархатном чехле.

Но как-то он пожаловался мне, что *та, которую он избрал для себя*, не родила ему. Они расстались после двадцатилетней связи – секс стал невозможен, отношения лишились смысла, силы. Зачем поливать сухую смоковницу?

– Возможно потому, что у нее была фиброма.

Я, потупившись, промолчала. А не наоборот? Может быть, ее фиброма была отказом «плодоносить»? Потому, что он, при всем своем очаровании, насильник? Потому, что она – не цель, а средство, всего лишь дополнение к его жизни? И то, что, любя его, она не сумела выразить словами, она прокричала ему своим телом.

Их долгая совместная жизнь, полная удовольствий, оказалась пустой. Он, возделыватель, не сумел склонить женщину рожать, однако это не продвинуло его в понимании женского. После многолетних попыток он окончательно потерял к ней доверие. Не его вина в том, что она не родила.

– Я много раз делал анализы, у меня все в порядке.

Еще более важным аргументом была его взрослая дочь от первого брака. Дочь тоже не рожала. То, что она еще молода (ей было около тридцати), не нашла себя, не нашла подходящего человека, не убеждало – нужны были «плоды», любой ценой.

– Вот, например, сколько тебе было, когда ты родила сына?

Когда мы познакомились, он считал, что я младше своих лет и был поражен, узнав, что у меня есть взрослый сын – по его подсчетам, роды произошли, когда мне было тринадцать. Мне было двадцать пять, и я рожала сына не для «возделывателя», а ради него самого, чтобы был. Мне нравилось быть матерью. Это был мой лучший проект, самый сбывшийся.

***

Моей беременности было около шести месяцев, когда выяснилось, что у плода чрева моего нет отца. Я, кажется, не очень расстроилась, то ли потому, что предвидела такой поворот, то ли потому, что само наличие плода было невероятным событием.

Нет, конечно, я расстроилась, но убиваться не стала, а сделала то, что поразило меня саму – откуда что берется?! Очень хорошо помню этот момент – была весна, в небе стояло неяркое солнце, я брела по мокрой от остатков снега улице, поглядывая на обветшалый модерн и мирно беседуя с плодом чрева своего, как вдруг на меня снизошло прозрение, я остановилась и произнесла заклинание:

– Пусть он станет чистым листом, на котором отпечатается мой образ!

Сына я родила за день до своего рождения – он явно опаздывал с прибытием, что подтверждалось фиолетовым цветом пятки, которую мне показали в качестве доказательства его появления на свет, и определяемым на ощупь костным швом посреди лобика – слишком зрелые кости сошлись от родового давления, это были, как объясняли мне педиатры, знаки переносности.

Когда мне впервые принесли на кормежку туго спеленутый пакет, его личико было точной копией лица моего отца, и спутать его с другими такими же свертками было невозможно. Он открыл темные глаза и посмотрел на меня с доверием, взгляд был осмысленный, и я поняла, что справлюсь.

***

Ему нравился мой взрослый сын, потому что он был похож на меня. Мне нравилась его нерожавшая дочь, но она не была похожа на него. Может быть, она похожа на меня?

Мы бродили по темным лабиринтам, и я грела его руки по очереди, сначала правую, потом левую. Иногда я раздваивалась и грела их одновременно – он страдал от промозглой венецианской зимы. Я совсем не мерзла, потому что я с севера, что ли? Мне приятно видеть снег в этом далеком от реальности месте – это пьянит и греет меня. Это обещает мне счастье.

***

Матери, выносившей и вырастившей человека, понятны и близки состояния, в которых пребывает создатель текстов. Набив руку на написании проектов – текстов, обреченных на прямую борьбу с другими текстами, победа в которой обеспечивает создателя работой и зарплатой, – начинаешь понимать, что такое правильный текст, ибо только такой имеет шансы на успех.

Правильный текст – это существо. У него есть руки и ноги, тело, голова и все необходимые для жизни органы. Еще не родившись, он начинает жить – дышать, говорить, а главное – расти, наливаясь кровью и другими соками.

Текст – никогда не паразит, хотя в процессе роста он питается от пишущего его. Но сам пишущий получает слишком много, заботясь о тексте, чтобы считаться с понесенными затратами. Судьба текста в момент его появления так же неясна, как судьба новорожденного ребенка. Живой текст может быть плохим, хорошим, талантливым и даже гениальным, но это трудно определить сразу. При рождении текст очень похож на автора, но потом его собственный опыт внесет поправки, и он изменится. Со временем он должен прирастать, охватывать все большее число явлений, проявляться во всем блеске и великолепии, матереть, но могут наступить трудные времена, которые заставят его свернуться, усохнуть до плоской картинке, до графического отображения, прикинуться мертвым. Уничтожить такой текст невозможно.

Есть ощутимая разница в состояниях – во время написания текста и после. Рождаемый текст захватывает целиком – он в голове, в сердце, на языке, в руках, даже в глазах – все, что видишь, чувствуешь, понимаешь в эти моменты, окрашено им. А после окажется, что невозможно вспомнить слова, из которых он вылепился, представить, как они сцеплены друг с другом, понять, откуда они взялись и почему не появляются снова; а то вдруг, среди ночи, пронзит мысль, что новорожденный – урод, болван и никому не будет мил, заставляя проверять, чтобы убедиться в обратном. Но постепенно он перестанет быть предметом постоянной заботы, исчезнет острая радость от соприкосновения с ним. Значит, текст подрос, окреп и начал жить самостоятельно.

***

Все это, неожиданно для себя, я рассказала однажды стихийно возникшему ученику – тюремному доктору, который, будучи человеком незаурядным, решил поправить состояние медицинских дел своего учреждения, приняв участие в конкурсе гуманитарных фондов (раз от государства ничего путного не перепадало). Как ни странно, он понял меня. С тех пор оборудование его боль-

ницы вызывало изумление, доходящее до обморока, не только среди тюремных врачей, но и среди гражданских, не говоря уже о прочих лицах.

Конечно, его тексты отличались от моих – полом, прежде всего, но не только – лексикой, стилем, сюжетом; их можно было бы назвать солдатскими, военными, их язык – грубым, канцелярским (хотя со временем он оттачивался и становился богаче) но в них было то, что не знает промаха. Его тексты были *правильными*. Они разговаривали с читателем, рисовали объемные картины бытия, давали перспективы, ужасали и восхищали, их планы и обещания начинали сбываться сразу же – с каждым новым прочтением. Как будто читающий сам начинал осуществлять докторские планы, становясь невольным проводником, выводящим тексты-существа из символического мира в мир реальный.

***

Текст никогда не бывает полностью осознан. Он равен по структуре человеческой психике. В нем есть то, что хочешь сказать, (знаешь, что говоришь – сознательное, намеренность), и то, что не хочешь сказать (не знаешь, что говоришь – бессознательное, спонтанность). И как ты сам его воспримешь через два дня, и тем более другие, сразу не понятно.

Тексты бывают мужские и женские. Женщина в состоянии родить и вырастить ребенка мужского пола, но с малой долей вероятности может написать полноценный мужской текст, в лучшем случае это будет удачная стилизация. Если создание текстов можно сравнить с неполным размножением, то создание женских текстов – с партеногенезом.

Женское письмо допускает отсутствие четких границ между субъектом и объектом текста, что свидетельствует о наличии у пишущего архаичного мышления. В процессе такого соединения нельзя точно определить, где скрывается источник происходящего – в субъекте, в объекте или в обоих.

Некоторых читателей это раздражает, вызывая почти животный протест. Один мой бывший редактор искренне ненавидел мои тексты, считая их «нарциссическими», «аутоэротическими», ему было «неприятно встречаться с личностью автора в пространстве текста»: вместо того чтобы любить «читателя», пишущий субъект наслаждается собой. Так это же женский субъект! Интровертивное направление движения либидо ему навязано культурой, наслаждение собой – это основа женской субъективности и источник «женского желания», но и читатель легко наслаждается означенным образом, если готов признать в себе женское. Другое дело, если женское вытеснено и воспринимается как чужеродное, нанося травму ядру незрелого эго.

Женский культурный субъект изначально дискриминирован, вытеснен за пределы культурной нормы. Но в своем письме женский субъект намеренно не

прячется, поэтому в пространстве женского текста читатель встречается не только с объектом (с тюрьмой, например), но и с подозрительным субъектом, который не имитирует «объективное», «профессиональное», мужское письмо, а претендует на что-то нерелевантное себе (на участие в создании культуры). А если такой «субъект» и маскируется под «природу», то делает это с гримасами и ужимками, вызывая у «мужского» читателя гнев и неприятие. А у «женского» – наоборот.

***

Сильные желания живут по тем же правилам, что и тексты. Юнг называл их мыслеформами – мыслями, имеющими форму. Кажется, что форма может быть любой, но, задумавшись, начинаешь различать в ней черты и качества человека. Такие не знают поражений, тем и опасны – чаще не осознаешь настоящих желаний. Народная мудрость советует не поддаваться страстям: «Если Господь хочет наказать, то позволяет желаниям сбыться». Сталкер Дикобраз, с риском для жизни пробравшийся в заветную комнату для спасения больного брата, вернувшись, получил богатое наследство. Брат умер. Дикобраз повесился.

Я люблю рассказывать эту историю, и долгое время простецки объясняла происходившее ужасом героя, узнавшего, что корысть оказалась сильнее любви; позже догадалась, что дело обстояло еще хуже.

Еще проще, если желание становится текстом. Описанное правильно, оно сбудется непременно. Известны многочисленные случаи, когда большие художники предсказывают свою смерть. День смерти Андрея Тарковского – 29 декабря, плавал календарным листком в странных водоемах того же «Сталкера». Но какова последовательность – описано ли то, что предвидено, или текст стал реальностью благодаря очень хорошему описанию – вот в чем вопрос.

***

Когда я пыталась забыть его, меня охватывало отчаянье – кто-то во мне (не я) упорно держался за него, и начинал биться в истерике при мысли о его полном исчезновении. Стоило эту мысль отбросить, в душе сразу же воцарялся покой. Но зачем он душе?

У истории была предыстория – при его участии я выбралась из другой душившей меня связи, с которой не сумела справиться своими силами. Он помог мне, но *его* связь при этом распалась – *та, которую он избрал для себя*, вернулась к нему после смерти его матери. Это был сказочный, голливудский хэппи-энд, и я готова была праздновать его вместе с ними... но не судьба,

видно, мне быть хорошей. Он слишком нравился мне и я ему тоже. Только и всего.

Ничего путного из этого, как и положено, не вышло. Он держал меня в напряжении, интриговал; о том, что они снова расстались, я узнала не от него, и не сразу сообщила ему об этом. Когда я призналась, он предупредил меня, чтобы я не принимала это на свой счет, у него есть и всегда будет другая... для меня.

Налицо была недостоверность, но я все сильнее запутывалась в своих желаниях, не понимая, почему происходящее так задевает меня. В конце концов я обнаружила, что причиной моих страданий стало чувство вины, возникшее из-за вторжения в чужую жизнь, так как, вторгшись, я не была готова к следующему шагу – признать его присутствие в моей жизни закономерным. Я была активным участником происходящего, инициатором событий, но мне, как обычно, казалось, что я – жертва. Так оно и было – жертва собственных происков.

При попытке прервать отношения внешний конфликт сразу же становился внутренним. Задача усложнялась тем, что я старалась не вытеснить его в тень, не сделать чужим, не вычеркнуть вместе с ним переплетенный с ним кусок собственной жизни. Я все глубже спускалась в темные подвалы души, обнаруживая припрятанные там сокровища, что позволяло выживать и даже одерживать кратковременные победы, но не делало меня счастливой. Напротив, казалось, что счастье придет вместе с умением проигрывать и подчиняться.

Я не умела подчиняться – во мне поселилось что-то несокрушимое, готовое стоять насмерть. В конце концов, я увидела «это», и ужаснулась: это был пещерный человек, голый и волосатый, с дубинкой в руке. Он стоял в тени и выглядел как дикое животное. Когда он вышел на свет, его густая шерсть вспыхнула золотом. Заросшее лицо оказалось приветливым, взгляд – пронизательным. Дубинка обернулась скипетром, звериная шкура – горностаевой мантией, на голове сверкнул обруч, украшенный темными гранатами.

Это был мой «внутренний» мужчина. Он исчез, а я так и не успела спросить его, что надо делать, чтобы внутреннее и внешнее совпали.

***

Недавно мне приснился фотографический сон: я, двулика Янус, стояла на зеркальной границе внешнего и внутреннего, он, также раздвоившись, дважды удалялся прочь от моего лица. Мы давно не виделись, и я решила, что это знак полного разрыва, но все было как раз наоборот: всеобщая раздвоенность говорила о том, что я должна следовать за ним в двух направлениях. Став

психопомпом, он немного подобрел, что означало: обрета проводника, я подобрела.

Следование за проводником есть многократно описанный способ постижения внутреннего – так Фауст шел за Мефистофелем, а Данте – за Беатриче; так Ариадна, превратившись в красную нитку, спасала своего героя. Как все истинное, проводничество сопряжено с огромным риском, о чем свидетельствует неудачная попытка Орфея вывести Эвридику из царства теней. Есть правила, которые необходимо соблюдать в пути, чтобы не пропустить воссоединения: вслушиваться и всматриваться в себя, не забывая наблюдать за происходящим снаружи.

Уделом зрелого человека становится символическое взаимоотношение с миром, подобное отношению с равнозначным себе представителем противоположного пола – не с ребенком, родителем или таким же, как сам, а с равным и противоположным – со значимым Другим. В расхожий образ супруга или любовника этот смысл не вмещается, так как содержит в себе отказ от бинарности в пользу целостности, и привычный вариант, создающий нечто целое из двоих, обнуляя при этом в каждом то, что мешает воссоединению – садомазохистская пара власть-подчинение уже не способна управлять такими отношениями. Осознаваемая потребность в целостности разрушает садомазохистское удовольствие, разбивая пару. Есть ли что-нибудь в мире, способное заменить этот универсальный мотив сближения?

Можно, насильственно отменив различия, требовать равенства. Попытки осуществить такой сценарий были и есть, но это не истинное состояние, а лишь очередное вытеснение, хирургическая операция на гендере. Разница, несомненно, существует, и значит, это для чего-нибудь нужно.

Зрелый человек – микрокосм, в нем содержится все, что есть в мире. А значит и все, что есть в противоположном поле, что предполагает возможность, в случае крайней необходимости, стать им. Подобные метаморфозы я видела в женских колониях, там всегда есть небольшой процент (примерно одна на 100-200) женщин, почти полностью превратившихся в мужчин (уверена, и на гормональном уровне). Этот процесс в биологии назвали бы мимикрией.

В противоположность этому микрокосм не нуждается в защитной окраске, в маске, разделяющей внешнее и внутреннее, он, полностью соответствуя миру, адекватен и внешнему, и внутреннему, что свидетельствует об успешном овладении – присвоении основных составляющих мира.

Тот, кто распознается среди огромного множества инвариантов, уникален, так как соответствует некоему изначальному образцу, взятому изнутри, но окончательно никогда с ним не совпадет. Зазор будет существовать вечно, и это причина непрерывности жизни. Чрезвычайно пластичный и не знающий окончательности микрокосм способен вывернуться наизнанку, сделав внутрен-

нее внешним, внешнее – внутренним. Мир – это гибкая лента Мёбиуса, не имеющая ни начала, ни конца, переходящая из внешнего во внутреннее и наоборот, оставаясь каждым в отдельности.

***

Я излишне расстраивалась по поводу своего вторжения в его жизнь, как всегда забывая, что в отношениях всегда участвуют двое. Он, следуя за мной, сумел канализировать материнскую силу, которой не хватало в его мире: его дочь забеременела и родила ему внука.

***

Проснувшись среди ночи, я увидела статную длинноволосую Венеру (Venice-Венеция и Venus-Венера), в светло-зеленой тунике и лавровом венке (венчик из лавровых веток висит при входе в мою комнату). Надев на меня веночек, она вошла в мое тело и стала мной. Утром посмотрела в словарь – римская Венера действительно носит зеленую одежду. А лавровый веночек – символ Аполлона. Кто я теперь? Ясно одно, теперь я могу позволить себе носить зеленые платья.

10 июня 2007 г.